

3. На позиции марксизма.

Теоретическая работа в эмиграции.— Материальные затруднения.— Попытки сближения с «Народной Волей» и их неудача.— Основание группы «Освобождение Труда». — «Социализм и политическая борьба». — «Наши разногласия». — Плеханов и идея гегемонии пролетариата.

I.

Эмиграция оторвала Плеханова от подпольной работы, которой он буквально горел в течение трех лет. Уж в годы его революционной деятельности, протекшие в России, у Плеханова четко обнаружилось стремление подвести солидный научный фундамент под революционные настроения и социалистические убеждения. „Взяться за книги, учиться“ — такова была заветная мечта Плеханова в это время. Многого в этом отношении Г. В. добился; несмотря на свою молодость, он являлся одним из самых образованных русских народников. Но то, чего он достиг, было слишком недостаточным для удовлетворения тех теоретических запросов, которые представлял большой теоретико-познавательный ум Г. В. Между тем, как мы уже знаем, первые симптомы назревающего кризиса проявились у Плеханова в самый разгар его подпольной работы. Для того, чтобы проверить появившиеся сомнения, отбросив их или наоборот углубив, — довести их до переоценки ценностей, нужно было заняться большой научно-теоретической работой. То революционное кипение, в котором Плеханов пребывал в годы подполья, буквально разрываясь на части, не давало ему теоретически работать. „Беда! твердил он, чувствуешь, что не хватает знаний! Учиться надо, а мыслимо ли при наших условиях! В сущности, что мы знаем? (*).“

Не приходится говорить о том, что когда трехлетний революционный бег Плеханова был прерван „независящими обстоятельствами“ и Г. В. очутился за

*) Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы к биографии. М. 1922 г., ч. I., стр. 52.

рубеем—физически оторванный от российского подполья,—он с особым рвением набросился на книги, весь ушел в изучение той социалистической литературы, которая должна была дать ему ответ на многочисленные вопросы, которые стали пред ним уже в России. Но тут на пути теоретической работы Плеханова стало новое и достаточно серьезное препятствие—материальные затруднения.

Великий философ и большой мещанин Иммануил Кант как-то сказал, что он горд сознанием того, что никогда никому ни задолжал ни пфенинга,—мысль о кредиторах никогда не омрачала его настроения. Вряд-ли многие из идеологов пролетариата могли бы повторить слова гениального кенигсбергского мещанина. Напротив, большинству из них пришлось вести суровую, полную материальных лишений и невзгод борьбу за существование. Известно, например, в каких условиях приходилось существовать Марксу. Нужда, по слову Меринга, не только появлялась у порога Маркса, но была частой гостьей и за его столом. Г. В. познакомился с жестокой нуждой в первые же месяцы его пребывания за-границей. Она давила его мозг в течение многих лет,—до тех пор, пока литературные доходы и заработок жены-врача не освободили его от необходимости постоянно думать о хлебе насущном для семьи и себя.

Материальные лишения начались с первого же дня после выезда Г. В. Плеханова из России. Вместе с Розалией Марковной пришлось ему бороться с нуждой. В мае 1880 г. Р. М., преследуемая полицией, покинула Петербург, оставив ребенка на попечении Т. В. Поляк *) и приехала в Женеву, где жил Г. В. Было условлено, что спустя некоторое время последует к ней и Т. В. с ребенком. Но девочка захворала и умерла...

Прожив несколько месяцев в Женеве и затем в Кларане Плехановы отправились в Париж, надеясь, что здесь им легче будет найти себе какой-нибудь заработок, а главным образом, чтоб пожить жизнью города-светоча. После долгих безрезультатных поисков им

*) Теофилия Поляк—близкий друг Плехановых, умершая от туберкулеза в 1882 г.

«удалось» через одного поляка достать работу: надписывание конвертов для аптеки, за грошевую, конечно, плату. Средств у Плехановых в это время не было никаких, они располагали лишь небольшим кредитом в молочной лавке, где могли получить только сыр и яйца. Денег на покупку денатурированного спирта для спиртовки у них не было, приходилось глотать яйца в сыром виде. Когда, наконец, работа была закончена, Г. В. Плеханов ранним утром торжественно отправился к своему «работодателю» поляку, неся в руках конверты и радостно предвкушая праздник, который должен был наступить в их доме после получения денег. Но поляк еще спал, когда Плеханов явился к нему и, будучи разбужен, оказал Г. В. весьма грубый прием, Плеханов вспыхнул, швырнул ему конверты в лицо и выбежал вон.

Положение Плеханова в это время было поистине ужасное. Неудачи преследовали их во всех начинаниях. Плеханов начал, например, составлять биографию Мишлэ, но издатель, заказавший эту биографию, вдруг куда-то исчез, точно так же ничего не вышло из перевода романов по заказу одного литературного предпринимателя*).

Между тем материальные дела Плехановых все ухудшались. Квартирохозяева заставили их покинуть квартиру, за которую они не были в состоянии платить. Они переехали в деревню Mollière близ Парижа. Некоторое улучшение в положении наступило после того, как Г. В. удалось напечатать в «Отечественных Записках» свою статью о Родбертусе. Получив авторский гонорар, Г. В. отправил семью в Кларан (Швейцария), а затем, раздавшись с кредиторами, и сам переехал туда.

Опубликованные в 1922 году Л. Г. Дейчем письма Плеханова к П. Л. Лаврову выявляют исключительную материальную нужду, в которой Г. В. приходилось жить в эмиграции, и которая нередко парализовала для него возможность всякой работы.

В письме без даты (помещено под № 6. По мнению Дейча, писано летом 1880 г.) Плеханов пишет Лаврову о «хроническом финансовом кризисе», в котором он

*) Ю. Арзаев. Op. cit. Стр. XXI.

пребывает. В письме, помещенном под № 9 (повидимому, писано в конце 1881 г.) он сообщает, что на нем долгов «больше, чем на русском государственном казначействе». В письме от 6-го февраля 1882 г. Г. В. извиняется, что пишет на открытке—«не имею покупательной силы в данную минуту». В письме, помещенном под № 13 (весна 1882 г.) и отправленном из Кларан, Плеханов шутливо сообщает Лаврову: «Опять застрял, опять могу сказать словами псалмопевца: „околожили мя тельцы мнози и тучны“, т. е. мои кредиторы». В письме, наконец, помещенном под № 17 (Дейч считает датой август 1883 г.) Г. В. уже совсем не в шутливом тоне говорит о той ужасающей нужде, которая давит его: «Я человек, совершенно не обеспеченный, который должен искать заработка или умирать голодной смертью».

В числе лиц, оказывавших Плеханову помощь в его тяжелом материальном положении, был и П. Л. Лавров; «благодаря Вашей поддержке»,—пишет Г. В. в письме от 31-го октября 1881 г.—«я быть-может получу возможность работать и развиваться, не имея в перспективе голодной смерти, или задолженность без надежды уплаты».

Как мы уже говорили, Г. В. долго не мог разделиться с нуждой. Высылка в Швейцарию усугубила и без того тяжелое положение Г. В., а что оно было действительно таким, может свидетельствовать хотя-бы следующий характерный отрывок из воспоминаний Л. Хинчука о Плеханове: «Я жил в Берне, в мансарде величавой с ящик, где стояла одна кровать и не было места не только для стола—но и для стула. И вот, в этой мансарде, на одной кровати, мы должны были ютиться вместе с Г. В., ибо в гостинице ему жить нельзя было, да и средств не было»^{*)}.

Чтобы не слишком задерживаться на этом вопросе, приведу лишь еще одно свидетельское показание. Старый революционер Н. И. Кулебяко—Корецкий в своих пока еще не опубликованных воспоминаниях о встречах с участниками группы „Освобождение Труда“ в 80-х годах говорит, что с тех пор, как он познако-

^{*)} Л. Хинчук. К воспоминаниям о Г. В. Плеханове. Пролетарская революция. 1922. №8, стр. 215.

мился с той обстановкой, в которой жил Г. В. его стала преследовать одна неотвязная мысль: „Этот человек, этот мыслитель, этот ученый, блестящий, талантливый вернее гениальный, живет в нищенской обстановке, по временам буквально не имея возможности утолить голод. Доживет ли он до того времени, когда рабочий класс России почтит в нем своего пророка“?

Как бы, однако, сильны ни были препятствия, ставшие на пути Г. В., он их стойко и упорно преодолевал.

Изучение научного социализма, чему Плеханов посвятил первое время своего пребывания за границей, толкало его мысль в ту сторону, в которую она ориентировалась уже в России: в сторону марксизма. Если Г. В. впоследствии признавался, что ко времени выхода первого номера „Черного Передела“ он был уже „наполовину“ социал-демократом, то можно сказать, что потенция марксизма, заложенная в нем, за-границей настолько окрепла, что через два года после своего отъезда в Швейцарию, он был уже не „наполовину“, а целиком социал-демократом. Несмотря на то, что мысль Плеханова неустанно работала в направлении логического развития тех материалистических идей, зародыши которых мы видели у него в эпоху землевольчества и чернопредельчества, несмотря на то, что Г. В. неуклонно приближался к марксизму,—он все же в течение продолжительного времени не думал о разрыве с народничеством, он стремился не противопоставить марксизм народничеству, а пропитать народничество марксизмом. Это обстоятельство необходимо усвоить, раз говоришь о Плеханове периода 1880—1882 г. г. Поскольку перед Плехановым выявлялись слабые места народничества, поскольку он вскрывал его анархо-бунтарские построения, постольку он стремился изжить народнические предрассудки в пределах самого же народничества. Народничество должно было, по его мысли, быть оздоровленным изнутри, а не побежденным извне. Народничество, отбросив славянофильские пережитки, должно стать под флаг научного социализма. Политическая ситуация, сложившаяся в России к началу 80-х годов, особенно обстановка, создавшаяся после убийства Александра II-го, обусловила полную возможность вос-

соединения «Народной воли» и «Черного Передела» в единую народническую партию. В своем письме в редакцию «Ч. П.», датированном январем 1881 г. и помещенном в № 3 журнала, Плеханов определенно говорил о самоликвидации «Черного Передела» при признании народо-вольцами определенных принципов, диктуемых революционной партией научным социализмом. «При общем признании такой постановки вопроса, существующее ныне разделение между русскими социалистами лишается своего основания, и «Ч. П.», как орган одной из фракций, уступит место органу слившейся в одно целое социалистической партии.*)

Процесс сближения чернопеределцев с народо-вольцами стихийно начался с весны 1881 г., когда Стефанович и еще некоторые чернопередельцы присоединились к «Народной Воле». Что касается Плеханова, то, как мы уже говорили, он также был принципиальным сторонником сближения с «Народной Волей». Однако, он считал, что сближение это должно быть результатом обоюдного соглашения на базе признания основных положений научного социализма. Вот почему его «не радовала» позиция Стефановича и Дейча, желавших добиться сближения с народо-вольцами любой ценой,— в письме к Лаврову от 31-го октября 1881 г. он зло определяет эту позицию словами— «Соединимся во что бы ни стало, хотя и поторгнемся сколько возможно». Плеханов считал, что жизнь одинаково вынуждает обе стороны к соглашению и что противящиеся этому будут, раньше или позже, сломлены в своем упорстве. «История хватает за шиворот и толкает на путь политической борьбы даже тех, кто еще недавно был принципиальным противником последней».

С весны 1882 г., когда Исполнительный Комитет «Народной Воли» обратился к чернопередельцам с соответствующим письмом, началось и организационное сближение «Черного Передела» с «Народной Волей». **) А когда вскоре зашла речь об издании «Нар. Волей»

*) Сочинения, т. I. стр. 136.

**) Чрезвычайно интересные подробности, относящиеся к эпизоду с этим письмом и с тем, как реагировали на него Плеханов и его друзья, читатель найдет в статье тов. Л. Г. Дейча «О сближении и разрыве с народо-вольцами». (Пролет. Рев. 1923. № 8).

печатного органа, то одним из трех редакторов был назначен Плеханов. Человек чрезвычайной дисциплинированности, Г. В. считал необходимым поставить вопрос о своем участии в «Вестнике Народной Воли» в зависимости от решения своих товарищей. Однако, он не питал слишком оптимистических взглядов насчет своего сотрудничества с народо-вольцами. Как мы уже указывали выше, для Плеханова деятельность в рядах «Народной Воли» была ценной постольку, поскольку он надеялся на пере ро ж д е н и е революционного народничества, на приобщение его к марксизму. Эту иллюзию «оздоровить» народничество изнутри питал не один Плеханов, но и его ближайшие друзья. «Народо-вольцы» — так думал, напр., Л. Г. Дейч—, волей-неволей, вопреки собственному желанию, под влиянием заграничного своего журнала, начнут постепенно поддаваться проповеди марксистских взглядов, которые Плеханов будет проводить в своих статьях. Таким образом, со временем, расплывчатая, утопическая и эклектическая программа народо-вольцев заменится другой, построенной на основах научного социализма*). «Мы надеялись и надеемся» — писал Плеханов в одном из своих писем к Лаврову — «мирным путем повернуть с народо-вольчества на надлежащую дорогу». Дорога, на которую уже бесповоротно ступил к тому времени Плеханов, была очень определена. «Я готов сделать из «Капитала» прокрустово ложе для всех сотрудников «В. Н. В.», — заявлял он в том-же письме. Руководящее же ядро «Народной Воли» было далеко от той эволюции, на которую надеялся Плеханов, полагавший, что чернопередельцы, вступив в «Народную Волю», рассосутся в общей организации. Это стало ясным с того момента, как руководители «Народной Воли» воспротивились коллективному вступлению чернопеределцев в «Н. В.», заявив, что может иметь место лишь их персональный прием в организацию. Против такой постановки вопроса Плеханов резко запротестовал: «С самого начала наших переговоров», заявил он Лаврову, «мы не представляли себе, что соединение может произойти иначе, как в виде слияния двух групп,

*) Л. Г. Дейч. О сближении и разрыве с народо-вольцами. Пролетарская революция. 1923. № 8.

сближенных временем и ходом событий... Разбиться на атомы, чтобы быть ассимилированными организацией «Н. В.» мы не считали и не считаем возможным». За одним последовал другой casus belli. Для первого номера «Вестника Нар. Воли». Плехановым предназначалась статья «Социализм и политическая борьба». То была— первая марксистская разведка в самом же народническом лагере. первая попытка, предпринятая Плехановым в осуществление его новой тактики—оздоровить народничество изнутри. Но эта попытка сразу же наткнулась на сопротивление. Лев Тихомиров снабдил статью примечанием, оспаривавшим основные мысли Плеханова. Последний пожелал в свою очередь ответить оппоненту, на что редакция „В. Н. В.“ не согласилась—это обстоятельство и послужило поводом к окончательному разрыву.*)—Плеханов взял свою статью обратно и вскоре она была выпущена как первое издание новой революционной группы—„Освобождение Труда“, открыто ставшей под знамя марксизма. В состав группы при ее основании вошло 5 человек: Георгий Валентинович Плеханов, Павел Борисович Аксельрод, Вера Ивановна Засулич, Лев Григорьевич Дейч и Василий Николаевич Игнатов. 25-го сентября 1883 года в Женеве было опубликовано составленное Плехановым объявление об издании «Библиотеки Современного Социализма», в котором, между прочим, говорилось:

— Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально—политической программой, бывшие члены группы «Ч. П.» образуют ныне новую группу—«Освобождение Труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями.**)

Что касается самого Плеханова, то с анархическими тенденциями он давно и решительно разорвал. Уж тогда, когда он редактировал русское издание

*) В качестве одного из сыгравших решительную роль поводов к разрыву следует указать и на инцидент с задержанием Тихомировым и Ошаниной письма Стефановича к Дейчу, что повело к открытому скандалу. (См. об этом подробно в статье Дейча „О сближении и разрыве с народолюбцами. Пролетарская революция. 1923 г. № 8).

***) Сочинения т. II, стр. 22.

„Коммунистического манифеста“ (начало 1882 г.), Г. В. был тем, кого немцы называют „ein geschulter Marxist“. Выпуская в новом переводе „Манифест Коммунистической Партии“, Плеханов писал в своем предисловии:

— „Манифест“ может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии—с другой: люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и, что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, „Манифест“ показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.*)

II.

Как мы уже указывали, первой серьезной попыткой, предпринятой Плехановым с целью подвергнуть публичной критике основные положения народничества, явилась статья „Социализм и политическая борьба“.

Написанная еще до его разрыва с „Народной Волей“, она подвергала в осторожной по внешности и глубокой по своему содержанию форме основные положения народничества, старалась направить народническую мысль по руслу марксизма. Мучителен был для молодого революционера разрыв с традициями, которые были освящены героизмом освободительной борьбы и личным уважением к учителям—вождям. Читая „Социализм и политическую борьбу“, чувствуешь, как осторожно порывал Плеханов с народничеством. Но в

*) Предисловие к русскому изданию „Манифеста Коммунистической Партии“. Сочинения Т. I. Стр. 151.

то же время четко и ясно намечал Г. В. линию своего расхождения с недавними единомышленниками... «Стремление работать в народе и для народа», писал Плеханов в предисловии к своей брошюре, «уверенность в том, что „освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса“—эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения, действительно, кажутся мне ошибочными во многих отношениях»*) Плеханов заявлял о том, что стихийные народные бунты не могут привести Россию к социализму, что необходимо создание в ней сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии, что теория русской самобытности обозначает застой и реакцию. «Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа», заявлял Плеханов. Этому требованию жизни он и подчинился, хотя такой пересмотр обозначал разрыв с единомышленниками....

В первой части своей работы Плеханов изложил основные положения научного социализма, во второй— он дал ответ на вопрос, стоявший к тому времени пред русскими социалистами—об отношении между „экономикой“ и „политикой“, намечал программу революционного действия. И та и другая части обнаружили в молодом Плеханове человека большого революционного чувства, марксиста, умело владевшего диалектическим методом исследования, внимательного наблюдателя русской общественной жизни, прилагавшего к ней западно-европейское историческое мерило...

Автор „Социализма и политической борьбы“ подверг одинаково-жестокой критике отношение к политическому вопросу обеих фракций русского социализма того времени: бунтарей-бакунистов и народолюбцев с их заговорщицкими наклонностями.

Для бунтарей всякое участие в политической жизни современного государства являлось, как и для их европейских собратьев-анархистов, губительной сделкой с „демоном буржуазного государства“. Твердо веря в антигосударственные инстинкты русского народа, до-

*) Социализм и политическая борьба. Сочинения. Т. II. Стр. 27.

казанные всей его историей, бунтари фанатически отвергали всякое „политиканство“. Вся программа нашего бунтарства сводилась, по словам Плеханова, к следующим немногим словам. Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия—и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства.

Народовольцы, наоборот, отнюдь не отрицали политики, но сводили ее целиком к заговору с целью захвата государственной власти.

Плеханов выяснял, в каких жестоких противоречиях запутались эти бланкисты с их „узкой и безнадежной философией русской истории“, которая в своем логическом завершении должна была приводить к признанию экономической отсталости России союзником революции. Единственный путь, по которому русские социалисты могут выбраться из того тупого переулочка в который они попали, это путь, указуемый марксизмом, Ближайшее знакомство с литературой „марксизма“ покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишили они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя пролетариев всех стран...*) Обличая непоследовательность русских революционеров, Плеханов заявлял:

— Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты,—народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху—историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые более прямые и торные пути...**)

Осмыслить исторический процесс значит понять, что нет такой партии, которая могла бы остановить рост производительных сил, которая могла бы приказать капитализму „не шевелиться“.

*) Там же, стр. 71.

***) Социализм и политическая борьба. Сочинения, т. II, стр. 38.

„Революционизируя“ головы своих недавних единомышленников, Плеханов призывал их порвать с бунтарскими теориями, во власти которых они находились, и примкнуть к мощному движению „социальной демократии Запада“, овеянному благотворным влиянием марксова учения. Развивая пред русскими социалистами основные положения теории великого учителя пролетариев всех стран, Плеханов изобразил процесс постепенного созревания классового сознания рабочего класса, его движения по пути к „конечной цели“ и достижения этой цели в словах, сохраняющих глубокий, животрепещущий интерес вплоть до наших дней:

— Государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его (рабочего класса.—С. В.) притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но не возможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет... Лишь постепенно становятся они (рабочие.—С. В.) грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении... Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. *)

Так развернул Плеханов чуждое дотоле русским социалистам представление о революции, как о последнем акте в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь поскольку она делается политической.

Полны захватывающего интереса и те страницы „Социализма и политической борьбы“, в которых Плеханов дал ответ на вопрос: „Что делать русским революционерам“? То был первый в истории русской социалистической мысли ответ, продиктованный трезвым учетом соотношения общественных сил, проникнутый точным представлением о российской политической действительности, свободный от самобытных бунтар-

*) Там же стр. 58.

ских утопий... В статье Плеханова русский социализм впервые отправным пунктом для построения своей программы взял факт наличия в России капиталистического процесса. Зло и едко указывал Г. В. народникам, что этого процесса не остановят ни опасения революционеров, ни реакционные иеремии; он звал их отказаться от выкраивания фантастических планов заговорщицкого захвата власти и понять, что „одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса“.

В „Социализме и политической борьбе“ Плеханов выступил отнюдь не противником захвата власти рабочим классом. Наоборот, он подчеркивал в своем выступлении, что „достигший политического господства революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти“. Для этого рабочий класс должен достигнуть определенной ступени развития и своего классового сознания. Классовое самосознание должно помочь русскому пролетариату в разрешении той сложной ответственной задачи, которую ставила пред ним жизнь: притягивать на свою сторону буржуазию, использовать ее в своих интересах, поскольку она становится в оппозицию самодержавию, поскольку она готова бороться с деспотизмом, но в то же время вести с ней классовую борьбу.

Революционная партия должна помнить, что для создания нового социального строя недостаточно экспроприировать крупных землевладельцев и капиталистов. Для этого нужно реорганизовать самое производство, что возможно, конечно, лишь при определенных экономических отношениях в стране. «Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который бы делал эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны». Этого характера экономических отношений Плеханов не мог, конечно, увидеть в России восьмидесятых годов. Вот почему он и считал, что всякое революционное правительство, которое при-

дя к власти в результате заговора — восстания, попыта-
лось бы насаждать в России социализм, неминуемо бы
погибло. «Такое правительство должно было бы «не
санкционировать», а «совершать эконо-
мический переворот», если его не снесет
волевой народный движением, если только оно встретит
достаточно повинования со стороны производителей...
Но декретами не создашь условий, чуждых самому ха-
рактеру современных экономических отношений“... *)

Таким образом Плеханов считал, что в условиях
тех экономических отношений, которые господствовали
в России того времени, «единственной не фантастичес-
кою целью русских социалистов может быть теперь
только завоевание свободных политических учрежде-
ний, с одной стороны, и выработка элементов для об-
разования будущей рабочей социалистической партии
России,— с другой...» Ограничивая деятельность револю-
ционеров этими узкими по сравнению с размахистскими
планами бунтарей рамками, Плеханов отнюдь не преда-
вался каким-либо иллюзиям. Он отлично понимал, что
политическая свобода, борьбу за которую он объявлял
первой задачей русских социалистов, не принесет рабо-
чему классу России раскрепощения... Никогда не упус-
кая из виду жестоких уроков, полученных пролетариа-
том в западно-европейских революциях, он понимал, что
„требования народа и в конституционной России могут
быть оставлены совсем без внимания или удовлетво-
рены лишь настолько, насколько это необходимо для уси-
ления его податной способности, ныне почти совершен-
но истощенной хищническим характером государствен-
ного хозяйства“. Лишь только в России замаячит „крас-
ный призрак“, — указывал Плеханов, — русская либераль-
ная буржуазия, подобно своей западно-европейской сест-
ре, будет искать спасения в объятиях самой бесцеремон-
ной военной диктатуры. (Через 35 лет после того как
Плеханов писал это, отметим в скобках, Терещенки и
Коноваловы братались с Корниловыми и Врангелями).
Рабочий класс России может подобно своим француз-
скому и германскому собратьям завоевать политичес-
кую свободу для либеральной буржуазии, но последней

*) Там же, стр. 79.

это не помешает, конечно, взять в скорпионы «исключи-
тельных положений» своего вчерашнего союзника,
лишь в нем минует необходимость... Дабы избежать
этого, социалистическая партия должна позаботиться об
изменении фактического соотношения сил в пользу ра-
бочего класса. Только опираясь на реальную силу, ра-
бочий класс сможет защитить свои права. При этом на-
до строго разграничить моменты падения самодержавия
и социалистической революции. «Вести революционную
борьбу с расчетом на то, что эти моменты обществен-
ного развития совпадут в истории нашего отече-
ства—значит отдалять наступление то-
го и другого».

Заслуживает быть особо подчеркнутым то обсто-
ятельство, что Плеханов, первый из русских социали-
стов установивший в России наличие капиталистическо-
го процесса и рассматривавший капитализм, как необхо-
димый и потому положительный момент нашей истории,
уж в то время—в начале восьмидесятых годов—был
убежден в исторической дряблости и бессилии русской
буржуазии. Вот почему он верил, что момент, отделяю-
щий падение абсолютизма от перехода власти в руки
рабочего класса, не будет длительным.

Современное положение буржуазных обществ и
влияние международных отношений на социальное раз-
витие каждой цивилизованной страны, писал Плеханов,
дают право надеяться, что социальное осво-
бодение русского рабочего класса
последует очень скоро за падением
абсолютизма (Курсив наш.—С. В.), Если немец-
кая буржуазия „пришла слишком поздно“,
то русская запоздала еще более, и господство ее не
может быть продолжительным.

Наша великая революция, обнаружившая всю не-
мощь русской буржуазии, блестяще оправдала предска-
зания Плеханова, сделанные им в рассматриваемой статье.

Брошюра „Социализм и политическая борьба“ об-
наружила в ее авторе—молодом революционере такое
глубокое понимание научного социализма, такой поли-
тический глазомер, которым далеко не обладали его
старшие товарищи по революционной борьбе... Выска-
занные Плехановым взгляды так опрокидывали при-

вычные представления о русском революционном процессе, они были в такой степени направлены против установившегося течения народнической мысли, что вполне понятными являются те возражения, недоумение и даже враждебность, которые они вызвали.

Брошюра Плеханова была встречена негодующей критикой в среде народников. Против нее выступили наиболее видные вожди народничества того времени и соредакторы „Вестника Народной Воли“—Лев Тихомиров и П. Л. Лавров. Г. В. обвиняли в том, что он внес дезорганизацию и разброд в среду революционеров, что он не обнаружил должного уважения к героическому прошлому „Народной Воли“.

„Одни прямо, другие косвенно, намеками и полунемеками, избегая наносить нам „прямые удары“, не называя наших имен, но употребляя наши выражения и истолковывая вкривь и вкось наши мысли,—изображали нас сухими книжниками, доктринерами, готовыми пожертвовать счастьем и благосостоянием народа в интересах стройности и гармоничности своих, высиженных в кабинете теорий“. *)

В ответ последовали „Наши разногласия“—произведение, которое, наряду с «Социализмом и политической борьбой», может быть отнесено к лучшим страницам русской социалистической литературы. Между этими двумя работами можно, однако, отметить известную разницу. «Социализм и политическая борьба» была написана до официального разрыва Плеханова с народничеством. «Наши разногласия»--п о с л е этого разрыва. Первое из этих произведений пыталось бережливо указать «Народной Воле» ее слабые места, вносило поправки в народническую теорию, выпрямляло ее тактику, и всем тем подталкивало народническую интеллигенцию в сторону марксизма... «Нашими разногласиями» Плеханов подымал перчатку, брошенную ему из народнического лагеря и опубликовывал свое произведение, как манифест тех русских революционеров, которые, перейдя на новый берег, развернули там марксово знамя...

Правда, Плеханов предпослал своей брошюре письмо—обращение к П. Л. Лаврову, в котором он послед-

ний раз делал попытку найти общий язык с народо-вольцами. Г. В. указывал своему другу и учителю, что социализм, защитником которого является Лавров, носит за спиной длинную бакунистскую косу. Плеханов звал Лаврова и его единомышленников сорвать с себя лохмотья революционной метафизики и стать на почву марксизма, являющегося единственной и подлинной алгеброй революции, лучшим методом изучения общественного процесса. В последний раз пытался Г. В. своим письмом навести мост, по которому народо-вольцы могли бы перейти на марксистский берег. „Мы думаем,—писал он,—что партия Народной Воли о б я з а н а стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время... Только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной Воле закончить так блистательно начатое ею дело“... *)

Плеханов своим письмом давал понять народо-вольцам, что молодая и немногочисленная группа пионеров русского марксизма готова итти бок-о-бок с ними, если только они решительно приобщатся к научному социализму: „... и если мы протягиваем ей (Народной Воле—С. В.) только одну руку для примирения, то это происходит потому, что другой рукой мы указываем ей на теории современного научного социализма со словами—с и м п о б е д и ш и“. **) Но так говоря, Плеханов отлично понимал, что скорее протянутая народо-вольцам рука повиснет в воздухе, нежели рука, указующая на марксизм, будет замечена. Потому Г. В. и предупреждал Лаврова, что каков бы ни был отклик на его призыв, он и его единомышленники будут оставаться убежденными марксистами и будут стойко бороться за распространение своих убеждений.

„Наши разногласия“—блестящий политический памфлет, переплетающийся с ценным научным исследованием. В нем Плеханов развернул вширь и вглубь те же вопросы, которые были подняты в „Социализме и политической борьбе“. Должна ли Россия пройти через по-

*) Наши разногласия. Сочинения, т. II, стр. 108.

*) Наши разногласия. Сочинения. Т. II., Стр. 105.

**) Там же, стр. 106.

лосу капитализма? Каково отношение русской сельской общины к первобытному коммунизму? В самом ли деле русский крестьянин „коммунист по инстинкту“, как твердили народники? Где тот народный слой, который должен явиться творцом русского революционного дела? и т. д., и т. д.

В работе Плеханова мы находим все эти вопросы поставленными в исторической плоскости и освещенными фактическими данными, почерпнутыми из русской экономической действительности.

Анализируя отношение к общине различных течений русской социалистической мысли,—Герцен, Чернышевский, Бакунин, Ткачев,—Плеханов приходил к выводу, что теоретическая постановка революционного вопроса к семидесятым годам не только не продвинулась вперед, но, наоборот, отодвинулась назад—к полуславянофильским воззрениям Герцена. При различном подходе к вопросу о революции все фракции русского социализма сходились на том, что они связывали момент раскрепощения народа с деятельностью интеллигенции, которой неизменно отводилась роль чудодейственной освободительницы народной массы. Эта самоуверенность интеллигенции, рассматривавшей себя, как соль земли русской и главный, если не единственный, носитель революционного обновления страны, причудливо сочеталась у социалистов 70-х годов с безграничной идеализацией народа. Это приводило к искажению исторической действительности и к вредным aberrациям. У крестьянства отыскивались признаки высоко развитого классового самосознания, в то время, когда там не было и слабого проявления такового. В результате—горькие и жесткие разочарования:

— Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших 100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать о готовности народа восстать в настоящее время. История нашего революционного движения семидесятых годов была историей разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными.*)

*) Там же стр. 133.

Вместо того, однако, чтобы мужественно выбрать-ся из той трясины, в которую попала русская социалистическая мысль, народничество продолжает топтаться на старом месте, жалко цепляясь за обанкротившиеся доктрины, встречая брюзжанием и злобными нападками всякую смелую попытку перейти от славянофильских утопий к научному социализму. Неспособное постичь динамику русской общественной жизни, рассматривающее действительность как какую-то неподвижную картину, оно устами Льва Тихомирова проповедует „помолодевший ткачевизм“ и предает анафеме первых русских марксистов.

Что же может решить спор народовольцев с пионерами марксизма? Лишь анализ российской экономической действительности.

Плеханов не мог, конечно, ограничиться тем, чтобы показать наличие в России капитализма. Ему предстояла еще одна задача—доказать, что капитализм неизбежная и положительная ступень в развитии народного хозяйства. Обратившись к западно-европейской экономике, почерпнув из нее большой фактический материал, развернув его пред читателем, Плеханов разрешил и эту вторую задачу не менее исчерпывающе, чем первую.

Вывод, к которому приходил Г. В., в результате своих наблюдений над капиталистическим процессом России и Запада, гласил:

— З а к а п и т а л и з м вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. П р о т и в к а п и т а л и з м а лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая по временам так сильно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой земледельческой страны.

В таком случае пред русским социализмом возник вопрос о том, что же делать ему, что делать русским социалистам, так фанатически веровавшим в самобытность русской истории, в своеобразии русской революции.

Плеханов звал русских социалистов отбросить в

сторону трусливые фантазии мелкого мещанства, распротаться с доморощенным якобинством, оставить свои шатания между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, слиться с рабочим классом...

Он провозглашал, что:

Коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров—класс, освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Русское революционное движение должно неразрывно связаться с пролетарскими массами. Вне пролетариата русская социалистическая партия—мертва. Эту мысль Плеханов утверждал со спокойной твердостью урожденного марксиста и с благородным энтузиазмом идеолога новой социальной силы, только вступающей на историческую арену. Он требовал от социалистической интеллигенции, чтобы она указала пролетариату его собственное рабочее знамя, чтобы она помогла ему выдвинуть из своей среды собственных вождей, чтобы она выяснила ему связь, неразрывно существующую между его политическими правами и экономическим положением. «Способствуя образованию рабочей партии, наши революционеры будут делать самое плодотворное, самое важное дело, какое только можно указать „передовому человеку“ современной России. Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия, которые осуждают теперь нашу интеллигенцию на теоретическое и практическое бессилие». *)

Одновременно же Плеханов обращался к рабочим массам страны и звал их:

*) Там же, стр. 346-7.

— „Возвышение уровня вашего материального благосостояния возможно лишь при решительном вмешательстве со стороны государства... Но не всякое государство возьмет на себя роль вашего союзника. Государство будет всецело на вашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет вашим, рабочим государством... А пока эта цель не достигнута, вы должны заставлять делать вам уступки даже враждебное вам государство. Не забывайте при том, что уступки эти будут тем решительнее, чем решительнее вы будете их требовать, чем сильнее будет ваша партия. Создавайте же такую партию, сплачивайтесь в одну грозную и дисциплинированную силу... У вас есть только два выхода из вашего современного положения: или борьба или полное подчинение капиталу. Я зову с собою тех, которые хотят бороться!».*)

Так действуя, Плеханов был уверен, что он не идет против истории, но и не отстает от нее ни на iota, борясь за решение той задачи, которая поставлена на очередь всем ходом исторического развития страны и которая может быть учтена с математической точностью.

В создании рабочей партии Плеханов видел вернейшее и единственное средство к разрешению экономических и политических противоречий российской действительности. Столбовая дорога революции принадлежит рабочему классу. Лишь при его активности террористическая борьба с режимом принесет свои плоды: „Помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненое террористами политическое чудовище“. Лишь рабочие смогут связать социалистическую интеллигенцию с крестьянством. Лишь через них социалистическая пропаганда проникнет в бесчисленные уголки великой деревенской страны. Лишь путем организации социально-революционных сил города, утверждал Плеханов, можно вовлечь деревню в русло всемирно-исторического движения. Одно из тех многочисленных предсказаний Плеханова, которые нашли свое блестящее подтверждение в действительности наших дней!...

*) Там же, стр. 335

„Наши разногласия“ звали русских социалистов „поддерживать капитализм в его борьбе с реакцией и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей революцией будущего“. Плеханов, однако, подчеркивал, что эта революция не за горами. Верный той мысли, которую он высказал в „Социализме и политической борьбе“ касательно немочи русской буржуазии, Г. В. утверждал в „Наших разногласиях“, что наш капитализм отцветет, не успевши окончательно расцвести.

В одной из заключительных глав «Наших разногласий» Плеханов, обращаясь к народникам говорил:

— Мы различаемся с вами в том, что между тем, как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, наши коммунистические идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который отправляясь на север, попал в поезд, везущий его на юг; мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели.

Самобытно-бунтарская логика народников, уязвленная уже „Социализмом и политической борьбой“, вполне естественно, жестоко возмутилась вторым выступлением глшатаая русского марксизма, резко высказавшим столько еретических, с их точки зрения, мыслей.

Марксистская диалектика Плеханова была объявлена чуть ли не сделкой с дельцами русского капитала. В сознании народников Плеханов выступил как изменник делу революции. Народнические литераторы обвиняли его в невольной игре на руку царизму. «Один из народовольцев», вспоминал впоследствии Г. В., «признался мне года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству».. Книга Плеханова вызвала такое озлобление в среде народнической молодежи, что были случаи, когда ее сжигали в сектантски настроенных народнических кружках.*)

*) Тов. Д. Б. Рязанов считает рассказ об этом исторической легендой, однако об этом факте свидетельствуют такие авторитеты, как Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

Однако, буря возмущения, которую Плеханов вызвал „Нашими разногласиями“, не в состоянии, конечно, была исказить того великого исторического значения, которое имело его выступление.

Благодаря „Нашим разногласиям“, русский социализм стал выше на целую голову: дотоле самобытно-бунтарский, он приобщался работой Плеханова к революционному марксизму.

Если о Плеханове утверждают, что он открыл русский рабочий класс, то в значительной степени он это сделал „Нашими разногласиями“.

Роль, сыгранная этим замечательным произведением в развитии русского социализма, огромна. Не будет преувеличением сказать, что для русского революционного движения «Наши разногласия» имели такое же значение, как «Коммунистический манифест» для мирового.

При всем том, написанные почти сорок лет тому назад, на заре революционного движения, многие страницы «Наших разногласий» сохранили политическую свежесть вплоть до наших дней—эпохи Великой революции.

«Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» были первой схваткой русского марксизма с народничеством. В начавшейся долголетней борьбе этих двух направлений русского социализма за марксистское отношения сил, неуязвимая революционная логика; за народничеством: власть традиции, ореол героической борьбы с деспотизмом, оваянной мученичеством павших борцов. Плеханов оставался неизменным вождем марксизма в его столь не легкой борьбе с народническим социализмом. До середины девяностых годов, когда в помощь группе „Освобождение труда“ пришла из России первая марксистская смена, эта группа несла на себе всю тяжесть борьбы; мозгом же и душой группы был Георгий Валентинович.

III.

Тяжела и сугубо ответственна была задача, павшая на долю первых русских марксистов, этих нескольких работников первого часа, выкинувших в не России,

но для России знамя научного социализма. Их было так немного, что еще через пять лет после их первого выступления остряки указывали, что все русские марксисты могут поместиться на одном диване... Вспоминая об этом времени, Г. В. впоследствии говорил:

— Нас была небольшая кучка, над нами смеялись, нас называли утопистами, но я скажу словами Лассаля: нас было очень мало, но мы так хорошо рычали, что все думали, что нас очень много...*) В течение почти всего первого десятилетия своей деятельности группе „Освобождение труда“ не удавалось наладить постоянной и действенной связи с рабочими массами России.

В стране свирепствовала жесточайшая реакция. выкорчевывавшая всякие остатки так называемых либеральных реформ предыдущего царствования. Промышленный подъем, сменивший кризис начала восьмидесятых годов, не способствовал обострению классового сознания рабочего класса. Интеллигенция в подавляющем большинстве погрязла в тине „малых дел“, проповедь „непротивления злу“ находила благодарную почву в общественных условиях эпохи. Сохранившие верность революции и не уловленные полицейскими сетями одиночки встретили социал-демократические лозунги Плеханова и его единомышленников по меньшей мере недружелюбно: группе „Освобождение труда“ бросали в лицо, что она сеет рознь в социалистическом лагере в момент беспросветной реакции, требующей единения всех живых сил революции. Первая же попытка снабдить русских рабочих марксистской литературой, предпринятая группой, разбилась об арест ныне здравствующего ее члена, Льва Григорьевича Дейча, расплатившегося за свою попытку доставить литературу приговором к тринадцати годам каторжных работ. Препятствия, оказавшиеся на пути группы „Освобождение труда“, казалось, были непреодолимы. Но тем энергичнее старалась группа привлечь под знамя марксизма революционную интеллигенцию, внедрить в ее сознание ту мысль, что главным носителем революционного процесса в России должен и может быть только рабочий класс...

*) Из речи на заседании Петроградск. Совета 13 апреля 1917 г.

„Социализмом и политической борьбой“, „Нашими разногласиями“ Плеханов обосновал точку зрения пионеров русского марксизма на главные вопросы русской общественной жизни и на вытекающие отсюда задачи революционной партии. Осветив с марксистской точки зрения основные политические проблемы современности, Плеханов наметил, так сказать, то русло, по которому должна течь русская социалистическая мысль. Он отлично понимал, что эти вопросы должны быть не только марксистски освещены, но что их надлежит еще конкретизировать, привести их к тактическому знаменателю. „Ни я, ни мои товарищи“,—говорил Плеханов, в своем письме к Лаврову, предпосланном „Нашим разногласиям“,—„не имеем пока окончательно выработанной... программы. Мы только указываем нашим товарищам направление, в котором нужно искать решения интересных им революционных вопросов“... Однако Плеханов чувствовал, что интересы движения требуют от него не только теоретически обоснованной декларации, но и практических указаний, переведенных в программную плоскость. В результате этого сознания Георгий Валентинович и опубликовал вскоре после выхода „Наших разногласий“, „Программу социал-демократической группы „Освобождение труда“.

Программа в качестве предпосылки имеет в виду исключительную затруднительность правильной социал-демократической тактики в таких странах, как Россия, где „приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных—как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа—остатков старых, до-буржуазных отношений“.

Практические достижения, борьба за которые должна стать ближайшей задачей российской социал-демократии, сводились программой к следующему:

В плоскости политической: 1) право быть избирателем и избираемым, как в законодательное собрание, так и провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности, 2) определенную законом денежную плату на-

родным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения, 3) неприкосновенность личности и жилища граждан, 4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций, 5) свободу передвижений и занятий, 6) полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения, 7) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа, 8) пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несоместимых с достоинством человека.

В плоскости экономической: 1) радикальный пересмотр аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ... 2) устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога, 3) законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих, 4) государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности.

Кроме того, программа высказывалась за устранение системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством. По вопросу о терроре программа заявляла, что группа „Освобождение труда“ „признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией „Народной Воли“ лишь по вопросам так называемого захвата власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса“.

Не стоит, конечно, труда заметить, что программа уязвима даже не для особенно придирчивой марксистской критики в целом ряде пунктов. Меньше всего обманывался на этот счет сам автор программы. Он смотрел не нее далеко не как на безусловный и окончательно фиксированный документ, а лишь как на материал для дискуссии. „Предлагаемая нами на суд товарищей программа“, — говорилось в примечании к

ней,— „отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки“...

Такие пункты программы, как требование прямого народного законодательства, как признание необходимости террористической борьбы, были, конечно, далеки от марксизма. Этими пунктами Плеханов отчасти отдавал еще последнюю дань народнической идеологии, отчасти сознательно прибегал к оппортунизму, приспособляясь к народнической традиции и тем самым делая программу более приемлемой для современных революционеров.

Об этом Г. В. впоследствии сам говорил. „Ей“, — писал Плеханов о группе „Освобождение труда“— „невозможно было не считаться с народническими симпатиями, скажем откровеннее, предрассудками тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, т. к. все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа поневоле должна была потребовать, по крайней мере, быть осторожной, мягкой и уступчивой“...*)

Когда через три года после первого—в 1887 году—Плехановым был составлен „второй проект программы русских социал-демократов“, проект был, так сказать, марксистски выпрямлен и в него была внесена большая ясность. Пункт о терроре был формулирован таким образом, что социал-демократические организации „не останутся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“. Была внесена четкость и в то место, которое трактовало о переходе в руки рабочего класса политической власти: „...так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих... и так как высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неиз-

*) „Проект программы РСДРП“.

бежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.*)

Пролетарий—творец русской революции. Эта четко и ясно провозглашенная Плехановым в его первых произведениях мысль была в глазах народников величайшей ересью, граничащей с абсурдом.

В свое время, когда родоначальник научного социализма Карл Маркс заявил, что рабочий класс принесет освобождение человечеству, то один из его противников сказал: „Этот чудак ожидает каких-то чудес, которые совершат „полтора подмастерья“... Так же были приняты большинством революционной интеллигенции и слова Плеханова касательно русского пролетариата. В то время, когда интеллигенты—народники корчили презрительные гримасы по адресу „полтора подмастерьев“, Плеханов уже расслышал топот приближающихся рабочих батальонов.

„Творцом новых социальных форм может быть класс общества, связанный с существующим положительными, а не отрицательными нитями; класс, играющий в нем известную самостоятельную роль—класс феодалов, буржуазии, крестьянства, но не класс наемников—пролетариев“. Так заявляло народничество устами одного из своих идеологов—В. В.

„Пролетариат—самая мощная из создаваемых историей новых общественных сил. Пролетариат—это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие“. Так отвечал народникам Плеханов.

А когда народники делали марксистам вынужденную уступку и, нехотя соглашаясь с их доводами, признавали, что рабочий класс, действительно, важный фактор революции, Плеханов едко поправлял их: „Вы полагаете, что рабочие важны для революции, ну а мы считаем, что революция важна для рабочих“.

*) Сочинения, т. II, стр. 401.

Провозвестник великой, но в свое время такой чуждой русским революционерам идеи гегемонии пролетариата, Плеханов заявлял:

— Если адвокат может представлять своего клиента на суде, то никакой Комитет — Исполнительный, Распорядительный, или как бы его там ни называли,— не может представлять рабочего класса в истории,... освобождение этого класса должно быть его собственным делом и... для совершения этого дела ему нужно приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма.*)

Социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Но, конечно, рабочие не должны замыкаться исключительно в своем собственном кругу. Такая исключительность принесла бы их делу неисчислимый вред. В своем письме к петербургским рабочим кружкам, напечатанном в 1885 году в журнале „Рабочий“—органе социал-демократической группы, возглавлявшейся Благоевым,—Плеханов указывал, что с.-д. партия должна быть рабочей, поскольку революционная интеллигенция должна идти с рабочими..., а крестьянство должно идти за ними.

В том же письме Плеханов указывал рабочим на две основные задачи, стоящие перед ними,—во первых, завоевать политическую свободу;—во вторых, бороться ради своего освобождения от экономической эксплуатации. Чем же могут быть решены эти основные задачи, стоящие перед российским пролетариатом. Плеханов указывал, что они могут быть решены только силой.

— Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение. Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что народное благо есть высший закон, и во имя этого блага силой заставить ваших врагов

*) Наши разногласия. Сочинения, т. II, стр. 166.

сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Непрестанно возвращаясь к мысли о гегемонии пролетариата в российской революции, доказывая ее в целом ряде работ, Г. В. сделал на Парижском Международном Конгрессе 1889 года свое, ставшее историческим заявление:

— Революционное движение в России восторжествует как движение рабочего класса или оно никогда не восторжествует...

Это положение, однако, долгое время встречалось с недоверием в среде западно-европейских социалистов, а в рядах русских социалистов—с усмешкой.

Нужны были долгие годы, в течение которых капитализм пустил корни в толщу русской хозяйственной жизни, расслоил деревню, создал кадры крупной промышленной и финансовой буржуазии, призвал к себе на службу миллионы пролетариев, для того, чтобы можно было воочию убедиться в правоте Плеханова. Уж к середине восьмидесятых годов в Петербурге зарождается социал-демократическая группа, т. н. Благоевская, тесно связывающаяся с рабочей массой и выпускающая газету „Рабочий“, участие в которой принимал и Плеханов. Быстро растущий капитализм рекрутирует для обслуживания своих нужд все большее и большее число наемных рабочих. Революционная пропаганда бросает в их среду первые семена классового самосознания, ставит наиболее сознательные элементы под марксово знамя. К началу девяностых годов в крупных промышленных центрах создаются уж социал-демократические рабочие ячейки, а в 1896 году разыгрывается всеобщая стачка питерских ткачей и прядильщиков, ставшая переломным пунктом в истории русского рабочего движения. Жизнь начала оправдывать одно за другим положения, выдвигавшиеся основоположником русского марксизма, в свое время казавшиеся такими смелыми и бесосновательными.

К концу девяностых годов в России нарождается мощное социал-демократическое течение, приведшее к образованию в 1898 году Российской Социал-Демократической Рабочей партии. Революционное движение в России начало торжествовать, как дело рабочего класса...

Вернувшись после революции в Россию, Плеханов имел право сказать:

— Моя вера в русский пролетариат оказалась не утопией, а действительностью. Каждый раз, когда мне говорили об утопии, я отвечал своим противникам: наши идеалы, наша утопия,—это действительность завтрашнего дня. И вот этот завтрашний день стал нынешним днем.

